

№ 1

МУРЗИЛКА

ЯНВАРЬ 1956

Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов

Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА

БОРИС ЕМЕЛЬЯНОВ
Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Рассказы про деда Макабку

Дед Макабка

Юрка приехал к бабушке в гости из далёкого большого города в самом начале лета.

Старая бабушка обрадовалась приезду внука и, конечно, стала его расспрашивать: как он ехал и как доехал? Долго ли, хорошо ли?

Внук про дорогу рассказывал подробно: ехал долго, хорошо и мягко. За постель в вагоне мама заплатила десять рублей, а за яблоко пять...

Бабушка ахнула:

— Пять рублей за яблоко! То-то я и вижу — ты вроде голодный.

Бабушка открыла подпол и на глазах у внука провалилась под землю. Юрка поглядел на чёрную дырку в полу с недоверием и опаской: в городе, где он жил с мамой на восьмом этаже большого дома, никаких таких фокусов нельзя было устраивать. Разве только, если прорубить дыру из восьмого этажа в седьмой, в чужую квартиру, за что по головке не погладят.

Бабушка под полом задержалась. Юрка помрачнел и позвал сначала тихонько:

— Бабка, а бабка! Иди домой!

Бабушка не отвечала. Она была глуховата, старая бабушка, не очень уж хорошо видела и сейчас никак не могла сразу найти в тёмном подвале банку со сметаной и горшок с творогом.

Вместо бабушки из-под пола выскочил пёстрый кот — чёрной, жёлтой и серой шерсти. Розовый кошачий нос был к тому же наполовину белым: этот пятицветный котище намного раньше старой бабушки нашёл в подполе сметану.

Юрка, глядя на пёстрого кота, повеселел, перестал бояться и стал обижаться.

— Бабка! — позвал он громко. — Иди скорей. Вылезай сейчас же!

Из подвала к нему донеслось еле слышно:

— Сметанку ищу...

— Не буду я есть сметану, — заявил Юрка и забубнил потихоньку: — Бабка Макабка! Бабка Макабка!

Этот хитрый человек знал, что бабка не может услышать такое тихое дразненье. Он только не знал, что со двора в открытое окошко в это самое время глядела соседская девочка Маша. На бабушкиных подоконниках в горшках и кадках густо росли цветы, и среди них трудно было разглядеть Машу.

— Ай-ай-ай! — громко сказала она, просовывая в комнату голову. — Ай-ай-ай!

Сидит мальчишка и дразнится. И кого дразнит? Бабушку!

— Уйди! — попросил Юрка оглядываясь. — Я вовсе не бабушку дразнил, а тебя. Я тебя давно вижу, только молчу. Уходи отсюда, бабка Макабка!

— Это я-то бабка? — удивилась Маша. — Ну, уж это ты врёшь. Да я с тобой после этого и играть не буду. Какая же я бабка? А ты сам кто? Старый дед?

Юрка подумал, подумал и неожиданно сказал с удовольствием:

— А что? Дед! Дед Макабка — это я и есть!

Маша фыркнула, цветы на окошке закачались, и Маша исчезла.

Бабушка вылезла из подпола со своими горшками. Юрка съел три блюдца творога со сметаной и отправился гулять. На улице перед домом рядом с Машей стояли ещё разные девчонки и мальчишки. Все они, когда увидели Юрку, закричали громко и весело, и Маша громче и веселей всех:

— А, дед Макабка! Здравствуй!

— Это не я дед, — сказал было Юрка. — Это вот она бабка! — Но его никто не слушал.

Всем очень понравилось, что в деревне появился такой маленький дед. Даже самый настоящий старый дед Семён обрадовался и говорил теперь с Юркой уважительно: «Ну, давай, кум, садись, посидим. Нашего с тобой полку прибыло. А то уж в деревне вроде маловато стало нас, дедов!»

Так и прозвали с тех пор Юрку дедом Макабкой. Так его долго звали. Ему уж давным-давно надоело быть дедом, а всё звали.

Вот что значит дразниться!

А ведь он был неплохой человек — Макабка.

Товарищ Макабка

Маша жила совсем рядом с Юркой, в соседнем доме, и у неё был брат, немного постарше деда Макабки годами и повыше ростом. Этот брат Колька частенько дразнил деда Макабку и даже один раз ни за что ни про что стукнул его по шее.

Так что любить этого Кольку деду Макабке было не за что.

И вот однажды утром Колька сорвался с крыши. Что ему там понадобилось, на крыше, никто не знал. То ли он отправился ловить голубей, то ли разыскивать отцовские удочки.

Все видели, как он полетел с самого верха, головой вниз, болтая руками и ногами. Все думали, что Колька разобьётся вдребезги во дворе об дрова или старую телегу. Колькина мать, Наталья Сергеевна, вышла

как раз из дому и даже присела со страху возле колодца. Шутка ли сказать: единственный сын летит, а куда — неизвестно!

К счастью, всё обошлось благополучно. Колька нырнул в кадку с дождевой водой, что стояла возле крыльца, вылез оттуда мокрый, целый и невредимый и долго ошалело стоял у всех на виду и плевался головастиками и жуками, которых за лето расплодилось в этой кадке видимо-невидимо.

Наталья Сергеевна стала медленно подниматься на ноги, нащупывая возле себя хворостину. Сразу было видно, что её испуг прошел безвозвратно.

— Голуби тебе понадобились, — сказала она. — Гули-гули! А ну, снимай штаны!

Колька выплюнул последнего головастика и открыл рот пошире, собираясь зареветь во весь голос.

Дед Макабка, как лев, кинулся со своего крыльца в соседский двор. Только он один видел, как всё было на самом деле.

— Тетя, не тронь, Кольку! — закричал он. — Это вовсе не Колька полез. Наш кот полез за вашими голубями! Колька за ним, кот от него... Кот вверх на дерево, Колька вниз в кадку!..

— Заступник! — сказала Наталья Сергеевна нежно. — А ну, пошли со двора, хоть вверх, хоть вниз, чтоб вашего здесь духу не было. Парашютисты!

На улице Колька долго глядел на товарища.

— Выручил, Макабка! — сказал он с удивлением. — Хм!

Вот тебе и хм!

Дед Макабка был справедливым человеком.

Рыбак Макабка

Дед Макабка поймал ерша. Маша и Колька смастерили ему удочку, совсем настоящую — с крючком, поплавком и грузилом. Дед Макабка вместе с Машей отправился на реку, на мост, сел рядом с рыбаками, поглядел по сторонам, поплевал на червяка и закинул длинную леску в воду.

Ёрш схватил приманку. Поплавок нырнул, рыбаки со всех сторон закричали: «Тащи! Тащи!» Дед Макабка дёрнул удилище, и колючий растопыренный ёрш вылетел из воды и упал на мост.

Дед Макабка ухватил свою добычу обеими руками и кинулся бежать к дому, позабыв на мосту удочку и банку с червя-

ками. С разбегу он вломился в калитку бабушкиного дома и едва не ушиб до смерти щенка Шарика и кота Ваську.

— Вот! — сказал Макабка бабушке и положил ерша на крыльцо. — Поймал!

Все домашние тогда подошли к крыльцу ближе — глядеть на улов: бабушка, Шарик, две безымённые курицы, гусь Кепка, кот Васька и петух Павлин.

Дед Макабка с подозрением поглядел на кота: не украл бы Васька ерша! Кот с малолетства был на лапу нечист. Но кот Васька хорошо знал ершовую породу и связываться с колючей рыбёшкой не захотел. На дереве во дворе сидели знакомые

воробьи и без того нехорошее чирикали про Ваську.

Беда пришла неожиданная и нечаянная.

Петух Павлин высунулся вперёд, клюнул ерша в голову, перехватил поперёк и, хлопая крыльями, полетел по двору. У всех на глазах Павлин вознёсся на курятник и в три глотка управился с ершом вместе с колючками. Даже кот Васька, сам жулик, не ожидал от петуха такой прыти.

Конечно, дед Макабка должен был заплакать. Никакой ведь он был не дед, а просто маленький мальчишка, и ерша он поймал первого в своей жизни.

Дед Макабка не заплакал. Он погрозил петуху Павлину кулаком, повернулся, поправил, как полагается, свои штаны с белыми пуговицами и зашагал вон из дому.

На мосту на речке он нашёл свою удочку и банку с червяками, сел и... поймал второго ерша.

Все тогда сказали: «Рыбак!»

Доктор Макабка

Шарик заболел. Он сидел у ворот одиноденёшенек и смотрел на Макабку строго и непонятно. Большая мутная слезинка ползла по щенячьему носу. Чистая блестящая шёрстка на Шарике стала тусклой и пыльной.

Макабка сейчас же побежал к бабушке и доложил, что Шарик плачет, и бабушка очень обеспокоилась, потому что знала: собаки, маленькие или большие, никогда не плачут зря.

К вечеру Шарик совсем слёг. Бабушка принесла ему в плошке молока, и он понюхал плошку и лизнул бабушке руку, а пить молоко не стал.

Деду Макабке стало так жалко Шарика! Рано утром он выкатил со двора свою старую тележку, смазал сливочным маслом колёса, чтоб они не скрипели и не беспокоили Шарика, бережно уложил щенка в тележку и сверху накрыл одеялом. Наружу торчали только Шариков нос, одно ухо и один глаз.

Дед Макабка хорошо знал, где помещается колхозная лечебница для коров, лошадей и поросят. Бабушка там лечила свою козу, а дед Семён — тёлку.

Туда вот и приехал поутру со своей тележкой и с Шариком дед Макабка.

— Шарик заболел, — сказал он коротко самому главному колхозному зоотехнику. — Надо лечить.

Зоотехник посмотрел на деда Макабку и на Шарика. Дед Макабка посмотрел, и Шарик тоже глянул на зоотехника одним глазом. Оба они хорошо и жалобно посмотрели на зоотехника.

— Ладно, — сказал зоотехник. — Сейчас я поставлю поросёнку компресс и дам чёрной корове касторку. А потом займёмся Шариком.

Этот зоотехник долго лечил Шарика. Шарик был тяжело болен, и ему каждый день впрыскивали пенициллин, а дед Макабка утром и вечером кормил его сахаром. И каждый день, утром, дед Макабка при-

возил Шарика в лечебницу и увозил обратно.

Незаметно, потихоньку Шарик стал выздоравливать. Он понемногу пил молоко и уже вилял хвостом, и шёрстка на нём опять посветлела и стала поблёскивать на солнце.

А потом вдруг, в лечебнице, во дворе, Шарик вылез из тележки, на прощанье помахал хвостом зоотехнику и побрёл, пошатываясь, домой на своих четырёх ногах. Хватит, мол, поболел, пора и честь знать.

Гусь Кепка и петух Павлин подняли крик на всю улицу, когда увидели, что Шарик сам идёт домой. Бабушка вышла на крыльцо его встречать. Маша и Колька прибежали в гости.

Бабушка долго потом благодарила зоотехника Фёдора Фёдоровича, а он всё смеялся и говорил:

— Не за что! Вылечил вашего Шарика вовсе не я, а знаменитый доктор Макабка.

Все это слышали.

Кавалер Макабка

Утром в воскресенье бабушка заметила, что её дорогой внук сидит за столом, молчит и во все глаза смотрит в одну точку. Бабушка тоже поглядела в эту точку.

На самом светлом окошке у бабушки рос большой куст крымской камелии, весь покрытый белыми красивыми цветами. Дед Макабка глядел на этот куст, не отрываясь, и для чего-то зажимал в кулаке под столом острый столовый ножик.

— Смотришь? — спросила бабушка ласковым и проникновенным голосом. И вдруг не выдержала: — На что смотришь? Зачем ножик держишь под скатертью? Я тебя, ты не думай, насквозь вижу, такого-сякого...

Дед Макабка поплотней застегнул на животе две пуговицы, — кому охота просматриваться насквозь, — и посмотрел на бабушку честными и послушными глазами.

— А я все цветы не буду отрезать, — сказал он добродушно. — Я половину тебе оставлю... Ты, бабушка, садись...

Тут же выяснилось, что сегодня день Машиного рожденья и ей исполнилось ужасно много лет — целых восемь. И деду Макабке неудобно итти к Маше в гости без подарка. Он сам видел, как соседней дачнице на рожденье дарили цветы, целую охапку.

— Хм! Гм! — сказала теперь бабушка и посмотрела на внука удивлённо и не сердито. — Цветок-то мне, внучек, разорять жалко. Но и с пустыми руками к Маше ходить не след.

Бабушка задумалась и думала о чём-то долго: Юрке показалось — целый час, а может быть, и больше. А потом она взяла чистую тряпку и вытерла пыль со своего любимого цветка, с каждого его листочка.

— Дарить так дарить, — сказала бабушка. — Тащи уж тогда весь горшок. Поднимешь?

— Подниму, — обрадованно заявил Макабка. — Подниму, донесу, не разобью!

...Все так и ахнули, когда он появился на пороге Машиного дома с огромным цветком в руках, за которым и не видно было самого Макабки.

— А ведь ты, дед Макабка, кавалер! — сказал дед Семён.

— А что? — ответил Макабка невозмутимо. — Конечно, кавалер.

Все засмеялись, а Маша сказала:

— Спасибо тебе, Юрик!

Ну и тогда все наперебой стали хвалить Макабку.

— Товарищ он? Товарищ! Рыбак? Рыбак. Доктор? Доктор! Кавалер? Кавалер!

Ну, так какой же он Макабка? Просто он хороший мальчик.

ОГОНЬКИ С ТОГО БЕРЕГА

АРСЕНИЙ СЕДУГИН
Рис. В. БОГАТКИНА

Отец Оли работал на другом берегу Волги. Там из-под земли рабочие доставали белый камень. Из него строили дома, школы. Это место называлось карьер. Если вечером за рекой горела целая цепочка огней — значит, у отца всё было хорошо. Отец работал на карьере электриком и следил, чтобы для тех, кто работает вечером, светили все лампочки.

И вдруг случилась беда: над Волгой пронеслась буря. Ветер был такой сильный, что повалил деревья, унёс лодки, сорвал на реке маленькую пристань. И огоньки на карьере погасли: видно, буря порвала и спутала все провода.

Два дня отец не приходил с работы домой. Мама и Оля с тревогой смотрели на тот берег, но там было темно и грустно без огоньков.

— Сумеет ли папа снова зажечь все огоньки? Их так много! — беспокоилась Оля.

А мама сказала:

— Если там работает наш папа, то огоньки будут гореть. И снова людям будет светло: ведь наш отец хороший мастер.

На третий день, когда Оля уже легла спать, загудело сразу несколько пароходов. Оля и мама подбежали к окну: с того берега лучистыми звёздочками сверкали золотые огоньки, словно папа весело подмигнул.

Оле огоньки сказали:

«Всё в порядке! Папа справился с работой».

А маме огоньки сказали:

«Ждите отца домой и приготовьте обед повкусней и погорячей!»

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА

Мы попросили писателя Николая Семёновича Тихонова рассказать для читателей «Мурзилки» что-нибудь о том, что он увидел и узнал в своих поездках по разным странам.

Он выполнил нашу просьбу и прислал, дорогие реблта, этот рассказ.

В глухих тропических лесах Бирмы растут драгоценные тиковые деревья. Из них строят корабли, вагоны делают, шпалы, потому что по твёрдости мало деревьев может с ними соперничать. Но растут они не отдельными участками, а рассеяны среди других деревьев. По правилам разработки их нужно сначала «кольцевать», то-есть делать глубокий надрез и ждать, когда дерево засохнет, иначе оно утонет в воде. После того как дерево засохнет, его срубают и, доставив к реке, по реке гонят вниз к местам, где деревья собирают и продают.

Но есть и такие плантаторы, особенно жадные до денег, которые рубят молодые тиковые деревья, чтобы скорее продать их и нажиться на продаже. А деревья к реке через лес таскают слоны, они же разбирают завалы деревьев на реке. Это очень трудная для слонов работа, потому что надо тащить дерево, а оно цепляется за другие деревья.

Длинные километры тащат слоны дерево, где захватив его хоботом, где толкая ногами, где толкая головой, перекатывая тяжёлый тиковый ствол.

И вот в одном месте, в большой глуши, пользуясь тем, что никто за ним не наблюдает, один колонизатор-англичанин рубил молодые тиковые деревья. Его слоны работали без отдыха, потому что он очень торопился, чтобы подогнать брёвна к реке, когда в ней самая высокая вода, чтобы брёвна не залежались в мелкой воде.

Раз утром к нему, в его лесной дом, где он жил, прибежал один из надсмотрщиков над слонами и закричал:

— Господин, что делать, пришли дикие слоны?!

— Куда пришли дикие слоны? — спросил англичанин.

— Они ходят вместе с нашими ручными слонами и смотрят, как они работают.

— Не гони их, — сказал англичанин, — потому что, если они вступят в драку или

рассердятся на людей, они нам причинят большой вред и могут повредить всей работе. Следи за ними и говори мне.

Дикие слоны разошлись по всему участку, где работали ручные слоны. Они наблюдали за работой своих собратьев и, казалось, недоумевали, зачем те тащат и катят по лесу тяжёлые поваленные деревья. Они не обращали никакого внимания на людей, и те, помня приказ, их никак не задевали.

Так день за днём наблюдая за работой, дикие слоны начали приходить на работу вместе с ручными и уходить в джунгли, только когда ручные слоны тоже шли на отдых. Англичанину докладывали об их поведении каждый день. И однажды он узнал удивительную новость. Об этом рассказал испуганный и ничего не понимающий надсмотрщик. Он сказал, что вот уже несколько дней дикие слоны стали работать, помогая ручным слонам. Они катят брёвна, они помогают подымать их, также лбом перекатывают их и делают это с большой охотой. Ручные слоны показывают им, как это надо делать. И все они работают вместе. Это было невиданное зрелище, и англичанин-колонизатор ликовал. Задаром он получил столько новых слонов, что можно было и деревьев рубить как можно больше.

Он сам захотел убедиться в этом и поехал верхом в ту часть леса, где слоны работали вместе, и дикие и ручные. Всё было так, как рассказывал надсмотрщик. Дикие слоны, пыхтя и отдуваясь с непривычки, работали бок о бок со своими приручёнными братьями. Видно было, что им очень тяжело, и неудобно, и непонятно, зачем нужно катить деревья лбом по земле, но они это делали, только поглядывая на ручных слонов.

Англичанин обрадовался и начал высчитывать, сколько прибыли он получит, во-первых, оттого, что вывезет вдвое больше деревьев, а во-вторых, от продажи диких слонов после окончания работ.

Через несколько времени погонщики слонов и надсмотрщики так привыкли к диким слонам, изъявлявшим большое любопытство к работе и неутомимость, что начали кричать на них и даже бить их, как обыкновенных ручных слонов.

И вот однажды англичанину приснился сон, что он разбогател, как раджа, что у него дворец и слоны прислуживают ему, как слуги. Они же охраняют его и качают гамак, когда он спит в саду. Проснувшись, он отправился в лес посмотреть на работу слонов, в ту часть леса, где дикие и ручные слоны так дружно работали. Но он никого там не нашёл.

Удивившись отсутствию людей и животных, он проехал дальше, в глубину тропического леса, но вокруг не было никаких признаков работы. Валялись всюду бро-

шенные тиковые деревья. И стояла тишина. Конечно, полной тишины не было, потому что кричали разные птицы и обезьяны прыгали с визгом на ветвях, бросая в англичанина орехи и сучья.

Он не мог понять, что случилось. Куда пропали все его слоны и надсмотрщики? Наконец к вечеру надсмотрщики пришли к нему, измученные, обливающиеся потом, с испуганными глазами, и сказали:

— Они ушли, все ушли...

— Как, слоны ушли? — закричал англичанин. — Дикие ушли, а наши?

— Наши ушли с ними. Они вышли на работу утром, и пришли дикие. Они все столпились и потом вместо работы ушли в лес. Мы шли за ними и пробовали силой вернуть их, но они брали нас хоботами и бросали на землю, и вертели хоботами над нашими головами, и показывали ногами, что если мы будем их преследовать, они нас растопчут.

— Что же произошло? — спросил англичанин в ярости и страхе.

— Их убедили дикие слоны уйти с ними, — сказал старый погонщик. — Я знаю слонов с детства. Это второй случай в моей жизни. Так было тридцать лет назад в этих краях. Дикие слоны пришли посмотреть, как живут ручные слоны. Они попробовали работать вместе с ними. Им показалось, что лучше жить в лесу свободно, чем катать с утра до вечера тяжёлые деревья неизвестно зачем. И они уговорили наших слонов, чтобы они бросили работу.

— Их надо вернуть немедленно! Надо сделать облаву. Они бунтовщики! — закричал англичанин. — А диких слонов надо перестрелять.

Но надсмотрщик покачал головой:

— Их больше не догонишь. Они ушли из этих мест. И ручные наши слоны больше не вернутся к работе. Так было уже раз. А зачем им возвращаться? Им и так хорошо в лесу. Возвращаются только люди, потому что люди должны быть с людьми, даже если им плохо живётся.

— Подожди говорить глупости, — сказал англичанин. — Послушайте, как будто какой-то шум?

Все прислушались. Но это был только шум речного потока, доносившийся издалека, да резкие крики пёстрых птиц, ссорившихся с обезьянами.

— Они не вернутся, — сказал надсмотрщик. — Я знаю, они не вернутся никогда.

Англичанин посмотрел налившимися кровью глазами на валявшиеся повсюду стволы деревьев, срубленные не по правилу, и со злобой подумал, что на-днях река станет полноводной, и что это больше ни к чему, и что его сон о богатстве был только сном.

А в жизни была тишина леса, издевавшаяся над ним, и убежавшие слоны, которые уходили всё дальше и дальше в глубину родных тропических лесов.

Снежок над Спасской башней кружит...
Здесь точно в сказке, посмотри:
Красив старинный Кремль снаружи,
Ещё прекраснее внутри.

Рис. Ю. КОРОВИНА, В. ТАРАСЕНКО

Галдят ребята безумолку,
У всех веселье на лице.

Мы навсегда запомним ёлку
В Кремлёвском сказочном дворце.

ХУ ЦЗУН-ПЕЙ

МОЯ СЕСТРА ДЖУ ЮНЬ

Рис. А. КОКОРИНА

1. СИНИЙ ВОРОБЕЙ

Вас, наверно, удивит такое название. Разве бывают синие воробьи? Оказывается, бывают. Вот я, например, привёз в Москву синего воробья.

Я приехал из Китая. Моя семья — отец, мать и маленькая сестричка Джу Юнь — живёт на окраине Пекина.

Пекин очень большой город. Там тоже есть Красная площадь, как и в Москве. Называется она Красной потому, что её окружают дома с красными стенами. На этой площади, как и в Москве на Красной площади, бывают парады и демонстрации.

Я бывал на Красной площади со своей сестрёнкой. Мы очень дружим с ней. Когда я поступил в институт русского языка в Пекине, она мне завидовала и говорила:

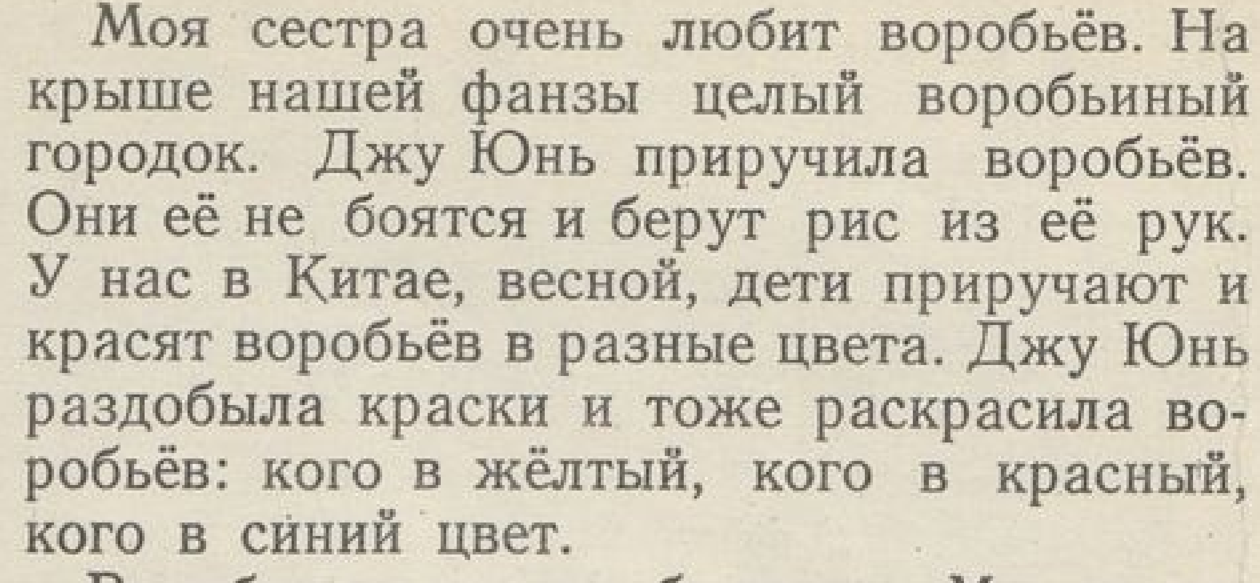
— Я тоже хочу изучать русский язык.

А я ей сказал:

— Я тебя буду учить.

Многое из того, что я узнавал в институте, я ей пересказывал. Так она узнала немало русских слов. Она узнала, что «ма-чо» по-русски «воробей».

Моя сестра очень любит воробьёв. На крыше нашей фанзы целый воробьиный городок. Джу Юнь приручила воробьёв. Они её не боятся и берут рис из её рук. У нас в Китае, весной, дети приручают и красят воробьёв в разные цвета. Джу Юнь раздобыла краски и тоже раскрасила воробьёв: кого в жёлтый, кого в красный, кого в синий цвет.

Воробьи на это не обиделись. Может, им даже понравилось, что Джу Юнь их принарядила.

После того как я окончил институт русского языка в Пекине, мне выпало большое счастье: меня приняли в Московский университет. Я стал собираться в Москву. Вся семья провожала меня. Мама уложила в чемодан всякой еды, а сестра протянула мне кулак. Из кулака торчал чей-то остренький носик.

— Вот, брат, — сказала она, — возьми себе!

— А что там? — спросил я.

— Там ма-чо, — сказала сестра. — Мой самый любимый. Синий.

— А зачем он мне? — удивился я.

— Покажешь в Москве, — сказала сестра. — Ты же сам говорил, что там не бывает синих воробьёв.

— Как же я его повезу за двенадцать тысяч километров, твоего синего ма-чо?

— Да уж как-нибудь повезёшь.

Пришлось мне сплести из лозы крохотную корзиночку-домик для синего воробья. Двенадцать суток я жил в купе поезда Пекин — Москва, а синий ма-чо жил в плетёном домике. Я его кормил варёным рисом, и он весело чирикал.

И вот, наконец, после долгого пути — Москва! Вот московские улицы, о которых я столько читал и мечтал. Вот Кремль, Красная

площадь, вот башня с золотыми часами, красные звёзды... И здесь, на московской Красной площади, я открыл плетёный домик и выпустил синего воробья. Он взлетел в московское небо, размахивая яркими синими крыльями.

Если вы в Москве увидите синего воробья, знайте, что это мой земляк ма-чо из Пекина.

2. ПЕРВЫЕ ИЕРОГЛИФЫ

В тот самый день первого сентября, когда я в Москве начал учиться на Ленинских горах в огромном Дворце наук, в этот самый день в далёком Пекине моя маленькая сестра Джу Юнь впервые пошла в школу.

Она встала рано, взяла тушечницу, взяла сумку, грифельную доску с грифелем и побежала к новому зданию школы. Она показала учительнице свою тушечницу и сказала:

— Лао Ши-ван. Это мне брат подарил.

А учительница сказала:

— Тебе ещё рано писать кисточкой. Сначала будем учиться писать на грифельной доске.

И все мальчики и девочки учились выводить чёрточки грифелем. Это очень удобно. Заполнил доску — можно тряпочкой всё стереть, и опять пиши!

Я хорошо знал про то, как учится Джу Юнь, как она живёт, потому что мне об этом писал подробно отец. Я всё ждал, когда же сама Джу Юнь мне напишет. Но это случилось не скоро. Весь первый год Джу Юнь училась писать грифелем на доске, и только когда она перешла во второй класс, учительница сказала:

— Сейчас, дети, вы уже во втором классе, и мы можем с вами начать писать тушью.

— Мы будем писать иероглифы, да? — спросила Джу Юнь.

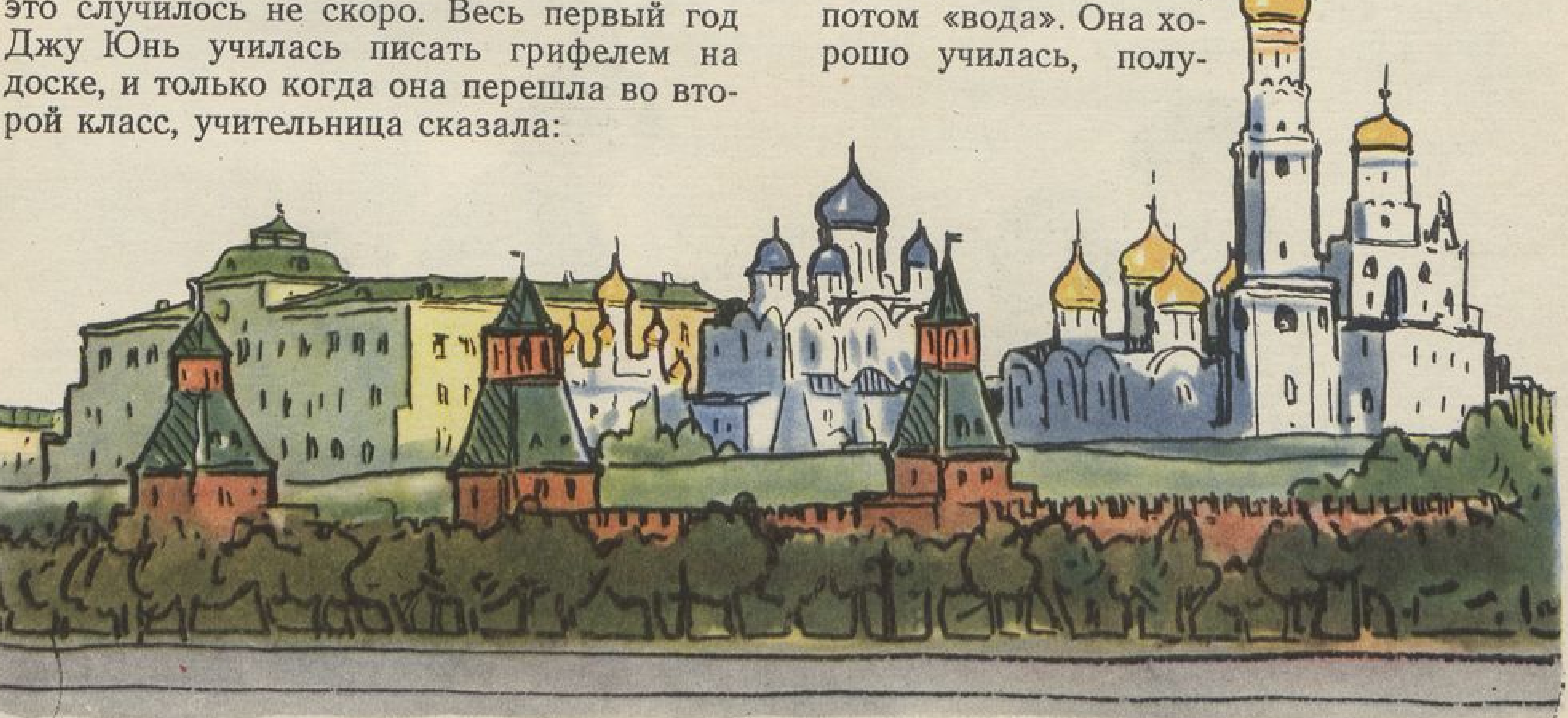
— Нет, дети, — ответила учительница. — Мы с вами будем писать только отдельные чёрточки и крючочки.

Сначала дело не ладилось. Но с каждым днём ребята всё больше привыкали к кисточке, всё меньше сажали клякс.

Маленькая Джу Юнь очень старалась. Сначала она выводила кисточкой чёрточки горизонтально, поперёк, а потом вертикально, то-есть сверху вниз, потом наискось. Потом учительница учила их писать цифры: одна чёрточка поперёк — это «один», маленькая чёрточка с большой — это «два». Две маленькие чёрточки и одна длинная — «три», четыре чёрточки сверху вниз — «четыре» и так далее.

Наконец наступил день, когда учительница показала всему классу, как пишется один из самых простых иероглифов—косая чёрточка справа налево, а в неё упирается чёрточка слева направо. Этот иероглиф значит «человек». Недаром эти чёрточки напоминают человечка с широко расставленными ногами.

После «человека» маленькая Джу Юнь вместе с подругами и товарищами научилась выводить иероглиф «солнце», потом «луна», потом «небо», потом «вода». Она хорошо училась, полу-

чала хорошие отметки: ей ставили 70 и 80 и даже 85. (В её школе до сих пор отметки ставят по-старинному — от единицы до ста.)

И вот однажды пришло письмо, на котором адрес был выведен нетвёрдой, детской рукой. Я открыл конверт. В нём лежал большой лист бумаги, на котором были большие чёрные иероглифы. Я стал читать:

«Дорогой старший брат!

Я пишу тебе сама. Я уже знаю тридцать два иероглифа. Когда будет лето, приезжай домой. А ещё лучше, возьми меня на лето в Москву. Я привезу ещё одного воробья. Красного.

Твоя сестра Джу Юнь».

3. „НАША ЧИТАТЕЛЬНИЦА"

Маленькая Джу Юнь стала мне писать довольно часто.

С каждым письмом иероглифы Джу Юнь становились всё красивее, всё чётче. Видно было, что моя сестричка учится очень прилежно.

В последнем письме она рассказала мне про уличную детскую читальню.

Она написала об этом коротко, так как она всё-таки знает ещё мало иероглифов, а я вам перескажу подробней.

Дело началось давно, когда Джу Юнь была ещё маленькой. Однажды она шла по улице и вдруг увидела, что на лавочках в скверике сидят дети. В руках у них яркие, нарядные книжки с картинками.

Джу Юнь остановилась.

Кто-то из ребят сказал:

— Девочка, что ты стоишь? Иди к нам в библиотеку, почитай с нами.

Но Джу Юнь стеснялась признаться, что она ещё читать не умеет. Она низко опустила голову и сказала:

— Спасибо... Спасибо... Только мне... мне некогда читать...

— Почему некогда?

— Потому что меня мама послала на базар.

Джу Юнь убежала.

Это было давно, года два назад. А сейчас Джу Юнь почти каждый день после школы сама заходит в эту уличную детскую библиотеку-читальню, сама выбирает себе книгу поинтересней и, водя пальцем от иероглифа к иероглифу, шопотом читает.

Но она не только читает для себя, нет. Она, кроме того, ещё активистка читальни. Она теперь сама приглашает других мальчиков и девочек читать. А если они отказываются, она говорит:

— Я знаю, вы, наверное, ещё читать не умеете, только не хотите признаться. Я сама была такой. Ничего, пойдёте в школу — научитесь. А сейчас пойдёмте, я вам почитаю.

Она собирает малышей, сажает их вокруг себя и вслух читает им самые весёлые стихи и сказки. А потом показывает им картинки.

Малыши очень любят её и называют: «наша читательница».

Вот какая у меня сестра!

Литературная запись Я. Тайца

Я. АКИМ

Рис. А. КОРОТКИНА

ПЕСЕНКА про ОСЛИКА

На улице московской
Зацокали копытца.
Я вижу удивлённые,
Смеющиеся лица:

— Ослик! Ослик!
Поглядите, ослик!

Но я-то с этим осликом
Не первый год знаком:
Он возит на тележке
Бидоны с молоком.

— Ослик? Ослик.
Ну, конечно, ослик!

Его, к великой радости
Московской детворы,
Прислали для
детсадовцев
Из жаркой Бухары.

Ослик! Ослик!
Настоящий ослик!

И вот по перекрёстку он,
Не глядя на запрет,
Упрямо и задумчиво
Бредёт на красный свет.

— Ослик, ослик!
Вот упрямый ослик!

Г. СНЕГИРЁВ *Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО*

КЕДР

Давно-давно подарили мне кедровую шишку. Я её любил в руки брать и рассматривать и всё удивлялся, какая она большая и тяжёлая — настоящий сундучок с орехами.

И вот через много лет попал я в Саяны и сразу отыскал кедр. Растёт он высоко в горах, ветры его набок клонят, стараются к земле пригнуть, скрючить. А кедр вцепился корнями в землю и тянется всё выше и выше, весь косматый от зелёных веток.

На концах веток кедровые шишки висят: где три, а где сразу и пять. Орешки ещё не совсем поспели, но всё равно много вокруг зверьков и птиц живёт. Кедр их всех кормит, вот они и ждут, когда орешки поспеют. Белка свалит шишку на землю, вынет орешки, да не все: один да останется. Этот орешек утащит к себе в норку мышь: она по деревьям лазить не умеет, а орешков ей тоже хочется. Синицы весь день на кедре прыгают. Издалека послушаешь, как будто весь кедр щебечет.

Осенью ещё больше зверьков и птиц на кедре живёт: кедровки, бурундуки по веткам так и скачут. Зимой голодно, — они орешки про запас и под камни прячут и в землю зарывают.

И когда начнут падать с неба первые снежинки, на кедре совсем шишек не останется.

А кедру не жалко.

Стоит он весь зелёный и тянется ветками всё выше и выше к солнцу.

Зимой, когда воду морозом сковало, нашёл я на лесной речке бобровую хатку. Снегом её всю замело, стоит, как большой сугроб, только на самой верхушке снег подтаял и из отдушинки жилым тянет. Вокруг волчьих следов много. Видно, приходили волки и принюхивались, да так ни с чем и ушли, только хатку поцарапали когтями, хотели бобров поймать.

Зимой до бобров не доберёшься: хата грязью обмазана, а грязь на морозе окаменела. Я её ногой поковырял и тоже домой пошёл. Только это место заметил.

Весной, как вода спала, бродил я неподалёку с ружьём и решил бобров посмотреть. До хатки когда добрался, солнце уже низко было. Около хатки речка поперёк перегорожена разными палками и сучьями — настоящая плотина. Целое озеро набралось воды. Подошёл я тихонько поближе, чтобы бобров увидеть, когда они на вечернюю зорьку выплывут, да не тут-то было: выскочила из хвороста маленькая птичка крапивник, хвостик свой кверху задрала и ну стрекотать безумолку: «Тик-тик-тик!»

Я с другой стороны хотел подойти, она и туда перескочила, опять стрекочет, бобров тревожит. Поближе подойдёшь, она в сучья юркнет и внутри где-то кричит-надрывается. Крапивник себе гнездо в бобровой хатке свил и с бобрами вместе живёт. Услыхали его крик бобры и из хатки под водой уплыли, только пузырьковая дорожка по воде пошла.

Так я бобров и не увидел, и всё из-за крапивника — он у бобров как сторож: как врага увидит, всех будит.

ЗИМОЙ

ВЛ. ЛИФШИЦ

Рис. О. КОРОВИНА

Крепчал
мороз,
Трещал
мороз,
Снежок
скрипел
под шинами,
Когда
из города
в совхоз
Мы ехали
машинами.
Живёт там
мама Олина.
Она к нам вышла
в ватнике.
Она телят
позволила
Нам поглядеть
в телятнике.
Телята
встать пытаются,
Да ножки
разъезжаются...
От зданья
к зданью —
под снежком
Лежит дорога
ровненько.
Как вкусно
пахнет молоком
Из белого
коровника!
Мы поглядим
в сторонке,

Как вас доят,
бурёнки.
Вот увозит
молоко
Синяя
цистерна
Далеко,
далеко —
К нам
в Москву,
наверно!
Потом мы видели
быка.
Зовут быка
Егором.
Вздохнёт Егор —
его бока
Вздымаются,
как горы!
Новорождённых
поросят
Мы на руках
держали.
У тёти Паши
не визжат,
У нас они
визжали...
А в закутке
лежал и спал
Восьмипудовый
боров.
На нас он
и глядеть не стал —
Такой уж
гордый норов!
Катали в санках
нас потом.
Я сам
помахивал
кнутом...
Чтоб мы
не отощали,
Нас щами
угощали!
И вот
домой —
Прощай,
совхоз! —
Нас повезли
машинами.
Крепчал
мороз,
Трещал
мороз,
Снежок
скрипел
под шинами!

ЕВГЕНИЙ ПЕРМЯК

КАК МИША ХОТЕЛ МАМУ ОБМАНУТЬ

Рис. В. КАРПОВА

Сломал Миша колесо у велосипеда и говорит:

— Оно, мама, само сломалось.

Разорвал Миша новенькую рубашку и говорит:

— Она, мама, сама порвалась.

Потерял Миша в саду башмак и говорит:

— Он, мама, сам потерялся.

— Какие они все негодники, — сказала мама. — Их нужно наказать! Если они научились сами ломаться, сами разрываться, сами теряться, пусть научатся сами поправляться, сами зашиваться, сами находиться. А мы с тобой, Мишенька, посидим и подождём, когда они это всё сделают.

Сел Миша у сломанного велосипеда в разорванной рубашке, без башмака и крепко задумался. Потому что было над чем задуматься трусливому мальчику, который хотел обмануть свою мать. Да!

ТОРОПЛИВЫЙ НОЖИК

Строгал Митя палочку, строгал, да и бросил. Косая палочка получилась. Неровная. Некрасивая.

— Как же это так? — спрашивает Митю отец.

— Ножик плохой, — отвечает Митя. — Косо строгает.

— Да нет, — говорит отец, — ножик хороший. Он только торопливый. Его нужно терпению выучить.

— А как? — спрашивает Митя.

— А вот так, — сказал отец и стал показывать, как то-

ропливый ножик нужно терпению учить.

Понял Митя, как нужно ножик терпению учить, и стал строгать потихонечку, полегонечку, осторожно.

Долго Митя торопливый ножик терпению учил. Не хотел ножик слушаться. А пришлось. Заставил его Митя терпеливым быть.

Хорошо стал ножик строгать. Ровно. Красиво. Послушно.

Зимние гости

И кружится и стелется
По улице метелица!
А птицам каково?
Жуланы-красногрудки
Не завтракали сутки, —
Не ели ничего!
Чечётка в снежной кашице
Пушинкой серой кажется,

И прячутся в кусты
Озябшие клесты.
А если две недели
Косматые метели
Начнут качать сады?!.
Ведь каждой птице-лётчице
Поесть немножко хочется!
Откуда взять еды?

Мы к липам на верхушки
Приладили кормушки, —
У нас гостей полно!
Слетелись свиристели,
Синицы прилетели —
Весь день клюют зерно!

Е. ТРУТНЕВА

На обложке рисунок В. Андриевича — *Макет А. Ливанова*

Художественный редактор О. Камнин — *Рукописи не возвращаются* — *Технический редактор А. Бодров*

Год издания тридцать второй — Цена 1 руб. — Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

А06625 Подп. к печати 25/XI 1955 г. Бумага $60\times92^{1}/_{8}$=1,5 бум. л.=3 печ. л. Уч.-изд. л. 2,8 Тираж 850 000 экз. Заказ 2478

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сущёвская, 21

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ТЕАТР КУКОЛ

КОНЁК – ГОР